

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 911.3

В.А. Колосов¹

ФАНТОМНЫЕ ГРАНИЦЫ КАК ФЕНОМЕН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Показана необходимость изучения исторических (фантомных) государственных границ, обсуждены его основные направления и теоретические подходы. Фантомные границы утратили наиболее важные функции разделительных линий между государствами, но остались существенными политическими, экономическими и культурными барьерами, и поныне заметно влияющими на различные виды деятельности и территориальную идентичность. Социальные представления о территории часто не совпадают с легитимными границами и охватывают регионы, потерянные в результате войн и (или) фрагментации территориальных идентичностей. Контур государственной территории является брендом страны и элементом идентичности, и почти любое изменение ее границ болезненно воспринимается населением. Фантомные границы играют значительную роль в символическом ландшафте и могут быть использованы для мобилизации общественного мнения. Можно выделить четыре подхода к их исследованиям: морфологический, функционально-структурный, геополитический и конструктивистский. Кратко описаны «классические» примеры фантомных границ в Польше и Украине: эти рубежи четко проявляются в культурном ландшафте. В России существуют два вида таких границ: линии, отделяющие территории, присоединенные к Советскому Союзу после Второй мировой войны, и бывшие фронтиры на юге и востоке, образующие специфический тип фантомных границ, подобно таковым во многих странах Европы, Америки и Азии.

Ключевые слова: фантомные границы, фронтир, территориальная идентичность, воздействие на территориальные структуры, Россия.

Введение. Политическая карта мира, на которой каждая страна закрашена сплошь определенным цветом, обманчива. На ней нет «белых пятен» – практически незаселенных пространств, не показаны спорные территории, десятилетиями не контролируемые центральным правительством. Все мировое пространство упрощенно представляется разделенным на единые и неделимые атомы, клетки – государства. Однако большинство государств мира – многонациональные. Известный английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер образно сравнил политическую карту мира с картинами Амедео Модильяни, для которых характерны крупные фрагменты с относительно чистыми тонами, а этнокультурную – с многоцветными, пестрыми полотнами Оскара Кокошки. Несовпадение государственных границ с этнокультурными и переделы мира оставили на карте многочисленные «шрамы истории» (выражение одного из «отцов» европейской интеграции Р. Шумана) – несуществующие более рубежи, оказывающие, однако, влияние на жизнь общества.

Картографирование и анализ происхождения и истории государственных границ – один из традиционных подходов в пограничных исследованиях (borderstudies) [Колосов, Тикунов, 2005; Колосов, 2008]. Большое внимание в них всегда уделялось формированию государственной территории, морфологии ее границ в разные периоды. Изучение динамики границ в пространстве–времени и их устойчи-

вости стало одним из достижений политической географии первой половины XX в. Они тесно связаны с именем выдающегося американского географа Ричарда Хартшорна и его известных публикаций о границах Верхней Силезии [Hartshorn, 1933, 1936], в которых он показал влияние политических границ на культурные особенности территории. Хартшорн первым исследовал различия между границами, установленными до возникновения современного культурного ландшафта («пионерными», или «антецедентными»), рубежами, секущими сложившиеся территориальные социально-экономические и культурные водоразделы («субсеквентными»), и бывшими (реликтовыми) политическими границами.

Перекрыжка государственных границ после Второй мировой войны, а затем процесс деколонизации, в ходе которого на политической карте мира появились десятки новых независимых государств, вызвали новый всплеск интереса к бывшим политическим границам, в том числе доколониальным. Еще примерно через четверть века распад Советского Союза и Югославии в очередной раз возродил интерес к проблеме «справедливых» границ и их изменений. Этой проблеме посвящены исследовательские проекты, исторические карты и атласы [см., например, Ширяев, 1991; Foucher, 2011; Grandits et al., 2015].

Французский географ Ив Лакост назвал границы историей, запечатленной в пространстве. Как существовавшие в прошлом границы проявляются

¹ Институт географии РАН, зам. директора, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, зав. кафедрой географии мирового хозяйства, докт. геогр. н., профессор; e-mail: kolosov@igras.ru

в культурном ландшафте, как сказывается на их сегодняшней значимости давность потери ими функции разделительных линий между государствами? Почему одни бывшие границы заметнее, чем другие?

Цель настоящей работы – обосновать актуальность, основные направления и теоретические подходы к географическому изучению исторических (фантомных) границ. Автор ставил своей задачей, во-первых, показать высокую значимость фантомных границ в укреплении или конструировании территориальной идентичности, во-вторых, охарактеризовать их взаимосвязь с культурными рубежами, в том числе бывшими фронтами, и влияние на различные сферы деятельности в настоящее время, в-третьих, обобщить теоретические подходы к изучению таких границ и сформулировать основные его задачи. Материалами исследования послужили литературные источники на разных языках и наблюдения, накопленные во время поездок в пограничные области России.

Постановка проблемы: роль границ в территориальной идентичности. Конфигурация государственной территории – это яркий и емкий образ страны, прочно запечатлевшийся в сознании граждан. После технологической революции в полиграфии в конце XIX в., сделавшей географические карты доступными для широких слоев населения, абрис государственных границ стал частью национальной идентичности. Контуры государств служат их своеобразными логотипами: их помещают на плакаты и карикатуры, широко используют в прессе и школьных учебниках. Как заметил С.Н. Ушакин, «воображение играет ключевую роль в поддержании идеи исторической «незыблемости» ... границ национального «тела». ...Идея целостности (воображаемого) тела нации сливается с идеей государственного суверенитета» [Ушакин, 2009].

Распространению представлений о территории как теле государства, а границе – как его уязвимой «коже» способствовали классические работы Ф. Ратцеля и его последователей – географов, историков и публицистов, в которых государство уподоблялось живому существу: оно появляется на свет, растет и развивается, проходит стадию зрелости, стареет и умирает. Эти труды породили антропоморфические образы государственной территории как живого, обычно женского тела, сливающиеся с представлениями о матери – Родине, которую каждый гражданин призван всеми силами защищать от внешних посягательств.

Соответственно, всякое покушение на это тело, будь то претензия на несколько гектаров приграничья в целях спрямления границы или же попытка отделения целой провинции, рассматривается общественным мнением чрезвычайно эмоционально. Особенно болезненно воспринимается раздел госу-

дарства, сецессия его части или передача соседям участка территории. Такие события оставляют глубокий след в идентичности людей, воздействуют на геополитический «код» отношений с соседями и всем мировым сообществом. В развитии метафорической ассоциации государства с человеческим телом утрата его части сравнивается с ампутацией конечности: хотя ее уже нет, человек еще длительное время ощущает ее, страдает от фантомных болей в ней [Gorzela, 2006].

По этой аналогии фантомными называют границы между государствами, утратившие свои наиболее важные функции, но остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющиеся в различных формах в современной экономической, социальной и политической деятельности². В социальных представлениях государственная территория нередко сохраняет уже несуществующую конфигурацию. Ее ментальные границы могут не совпадать с реальными. Такие представления отражают ностальгию по утраченным территориям, действительному или мнимому былому величию государства, усиливаемую популярными картографическими изображениями. Например, в Венгрии широко распространяются карты, показывающие ее территорию до Трианонского мирного договора (1920), по которому страна как правопреемник потерпевшей поражение в Первой мировой войне Австро-Венгерской империи лишилась 64% населения и 72% территории, в том числе выхода к морю. Трианонский договор и поныне воспринимается в Венгрии как национальная трагедия.

Подобные далеко не единичные примеры породили так называемую «картографическую озабоченность», возникающую в случае, если часть граждан, в особенности принадлежащих к какому-либо меньшинству, ассоциирует себя с иной, не совпадающей с признанной в международном праве территорией. «Картографическая озабоченность» может быть связана с «картографической агрессией» других государств, особенно соседних, показывающих на картах старые границы [Billé, 2013]). Так, на некоторых эстонских тематических картах, например, почвенных, наряду с официально признанной границей с Россией, отображалась и старая, довоенная, относящая к Эстонии территории Печорского района Псковской и часть Кингисеппского района Ленинградской области. Всем жителям Курильских островов и японским гражданам, пользующимся соглашением о безвизовых делегациях, в Японии вручаются разговорники с искаженными картами, на которых четыре южных острова Курильской гряды показаны как японские [Пономарев, 2008]. Таким образом пользователю лишний раз напоминают о «несправедливой» границе.

Политические границы прошлого обычно разделяют территории с разной структурой расселения

² Термин «фантомные границы» используется здесь как синоним реликтовых границ. Однако можно считать фантомные границы особым видом реликтовых, и поныне вызывающими сильные эмоции в общественном мнении и не исчезающими из политического дискурса.

и хозяйства, а главное, разной идентичностью населения, сохраняя в его глазах определенную легитимность. Нынешняя территория любого государства – продукт длительного исторического развития: войн, присоединения соседних регионов, внутренних конфликтов, сецессий и вторжений из-за рубежа, приведших к потере части земель. Современные границы – это материальное выражение памяти о прошлом [O'Dowd and Wilson, 2002]. Границы одновременно представляют собой *инструмент*, закрепляющий власть некоторой социальной и/или этнической группы над территорией и показывающий ее способность осуществлять экономический, культурный, идеологический и политической контроль над ней, и *отражение* этого контроля [Себенцов, Колосов, 2012].

Поэтому дискурс вокруг границ прошлого часто используется различными политическими силами как эффективное средство борьбы за захват власти в государстве путем культивирования реваншизма, призывов к перекройке границ. По мнению Л. Бялашевич, фантомные границы – это «невероятно сильная политическая метафора, отражающая определенное видение общества, мощный «контейнер» определенных мифов» [Bialasiewicz, 2009].

Яркое выражение значимости исторических границ – их способность привлекать туристов. Любая государственная граница аттрактивна для туристов, если только вблизи нее стабильна политическая и криминальная обстановка и не разворачивается вооруженный конфликт [Александрова и Ступина, 2013; Dallen, 1995]. На фантомных, исторических границах дополнительным фактором привлекательности выступают связанные с ними исторические события и посвященные им монументы, которые увековечивают память о битвах с захватчиками и национальных героях, в свою очередь, запечатленную в мифах и стереотипах. Часто главная цель подобного рода экспозиций – разделить «пришлых» и «коренных» жителей приграничного района, приписав «коренным» большую способность к построению эффективной экономики, «цивилизованность», «европейскость» и т. п. [Balibar, 2002].

Граница и прилегающие к ней ландшафты приобретают статус объектов культурного наследия. В качестве примеров можно привести Великую китайскую стену, ставшую самым узнаваемым памятником Китая, Берлинскую стену – один из главных символов холодной войны и в целом бывшую границу между ГДР и ФРГ. В современной Германии насчитывается 22 посвященных ей музея. Музеефицирована местами даже такая старая граница, как рубеж Римской империи (*лимес*) [Гринько, 2016].

Необходимость изучения фантомных границ объясняется многими причинами. Во-первых, многие по историческим меркам недавно установлен-

ные границы носят явно «искусственный» характер, разделяя районы расселения этнических групп, территории, входившие ранее в состав других государств и/или сходные в экономическом отношении, и т. п.³ Новые границы нередко вызывают ностальгию по «справедливым» старым (фантомным) государственным рубежам [Border Disputes, 2015], потенциально грозящую обострением конфликтов. Более того, процессы глобализации, связанные с определенным нивелированием условий ведения бизнеса и стиранием культурных различий под натиском массовой культуры, неминуемо вызывают укрепление этнотерриториальных идентичностей. Возрастает риск дальнейшей фрагментации политической карты мира в результате деятельности многочисленных сецессионистских движений, а следовательно, образования новых фантомных границ [Попов, 2012].

При всеобщем признании в мировом сообществе принципа мирного разрешения территориальных споров, происходят новые вооруженные конфликты. Фантомные границы играют важную роль в мобилизации этнических и иных групп, укреплении или изменении их идентичности, поэтому исследование таких границ и прилегающих к ним территорий служит задачам предотвращения и урегулирования конфликтов мирными средствами.

Во-вторых, границы, унаследованные от прошлого, значимы в государственном строительстве, поскольку они разделяют территории с различающимися идентичностями, их необходимо учитывать при создании или укреплении общей идентичности граждан страны. Кроме того, такие границы обычно служат внутренними административными рубежами.

В-третьих, следует учитывать влияние фантомных границ на многие сферы деятельности – от сельского хозяйства до транспорта. Так, германский географ С. Фон Левис показала различия в современной организации и продуктивности сельского хозяйства по обе стороны бывшей границы между Российской и Австро-Венгерской империями, ныне разделяющей Хмельницкую и Тернопольскую области Украины [von Löwis, 2015]. Изменение государственных границ ставит политических лидеров перед необходимостью избавиться от транзита через соседние страны в сообщении между своими городами через выступы территории соседей, улучшить связи со столицей, а также получить новые выходы на транспортные сети зарубежных стран, в особенности для доступа к морским портам. Однако решение этих задач требует немало времени, и старая граница еще многие годы сказывается на коммуникациях. Благодаря работам С.А. Тархова на примере Румынии и стран бывшего Советского Союза [Тархов, 2005, 2011] изучен механизм постепенной адаптации железнодорожной сети к государ-

³ Британские и французские колониальные власти делимитировали 40% современных границ за пределами Европы (в том числе 87% – в Африке), и на 60% их протяженности эти границы не имеют ничего общего с реальными этнокультурными и иными рубежами. Унаследованные от колониальной эпохи границы разделяют ареалы расселения 187 этнических групп. Даже в Европе 19% границ установлены внешними силами [Foucher, 1991].

ственным границам. Резкое их изменение, например, в результате распада СССР, ведет к образованию «обрубков» старой сети и образованию изолированных сегментов, упрощению топологической структуры, сокращающему возможности хозяйственного маневра.

В-четвертых, фантомные границы, как правило, определяют культурный ландшафт пограничья. Вследствие ограничений хозяйственной деятельности и расселения там лучше сохранились природные ландшафты, поэтому во многих странах, в том числе и в России особо охраняемые природные территории (ООПТ) тяготеют к государственным границам. Нередко ООПТ создаются симметрично по обе стороны границы. Это обстоятельство открывает возможность сотрудничества между соседними странами и регионами и их примирения на этой основе в случае конфликтов (так называемые парки мира). В пограничье сохранились ценные объекты природного и культурного наследия сопредельных стран, привлекательные для туризма, который может стать движущей силой развития многих территорий.

Обсуждение результатов. Взаимосвязь с политико-культурным районированием. Таким образом, общее свойство исторических границ – возможность их использования в целях укрепления или конструирования территориальных идентичностей [Jańczak, 2015]. Как показал Д. Ньюмен, между границами и идентичностью существует диалектическая взаимозависимость [Newman, 2011]. Этот феномен ставит извечный вопрос, что первично – территориальные идентичности или границы. С одной стороны, политические границы разного ранга формируют идентичности. Так, несмотря на искусственный характер границ между странами Тропической Африки, унаследованных от колониального периода, большинству из них за годы независимости удалось сформировать политическую идентичность. С другой стороны, политические границы часто следуют культурным рубежам – лингвистическим, религиозным и т. п. В XX в. логика делимитации европейских границ по итогам двух мировых войн опиралась именно на культурные рубежи и два главных критерия – этнический и исторический [Oriola, 2014].

Некоторые страны представляют собой «классические» полигоны для изучения соотношения между фантомными границами и культурными рубежами. Обширная литература по этой теме посвящена Польше, чья современная территория в результате разделов конца XVIII в. складывается из трех частей, находившихся под контролем Российской и Австро-Венгерской империй и Пруссии. Границы между ними до сих пор прослеживаются и в характере хозяйства, и в уровне благосостояния населения, и в нормах организации политической жизни (уважение к закону в Пруссии, традиции парламентаризма в Австро-Венгрии, централизация в самодержавной России).

Предложено немало моделей, объясняющих устойчивость этих различий. В них используются

два основных подхода – структурный и нормативный. Сторонники первого из них делают акцент на инерционности экономического развития (path dependence), связывая, например, отставание восточных («российских») воеводств с исторически сложившейся слабостью инфраструктуры, а опережающие темпы экономического роста западных – с близостью к европейским рынкам. Нормативный подход ориентирован на нормы и ценности, доминирующие в разных частях страны, унаследованные от политических традиций держав, которым польские земли принадлежали в XIX в., и сложившиеся также в результате перемещений населения после Второй мировой войны. В итоге «фантомные границы» разделяют ныне зоны с разными типами политической культуры, которые проявляются в географии голосования на общенациональных и местных выборах [Jańczak, 2015]. Т. Зарыцкий отмечает популярность в последнее время интерпретации электоральных и иных различий на основе «ориенталистских стереотипов». В соответствии с ними всякое наследие Российской империи оценивается исключительно негативно путем противопоставления «прогрессивной» западной цивилизации «отсталой» российской [Zarycki, 2015].

Другой полигон изучения фантомных границ – Украина. Ее современная территория сложилась в результате длительного исторического развития. Предложено множество схем более или менее детального деления страны на историко-культурные регионы. В Украину входят и районы, охватывающие исторический очаг формирования украинского этноса, и земли Новороссии, и сопредельные территории российского государства, заселенные с разрешения царя беженцами из России и Украины (Слобожанщина). Специфическую часть Украины составлял Крым, переданный в ее состав совсем недавно, в 1954 г., и возвращенный в Россию в марте 2014 г. На макроуровне всегда выделяется Западная Украина, которая с XIII в. до 1939 г. никогда не входила в состав общего с Россией государства.

Глубокая связь между региональной, языковой, этнической и религиозной принадлежностью населения, его электоральными предпочтениями и геополитическими ориентациями ярко показана многочисленными исследованиями украинских, российских и западных специалистов с использованием как социологических, так и географических методов и статистических моделей [Hesli, Reisinger and Miller, 2000; Kubicek, 2000; O'Loughlin, 2001].

Границы между различными регионами Украины, ставшими частями ее территории в разное время, предопределили, в частности, значительные географические различия в распространении украинского и русского языков. С ними тесно связаны политические культуры, благодаря которым исторические границы отражаются на картах голосования. На них страна весьма четко делится на западную и восточную части по так называемой линии Субтельного (по имени известного канадского исследователя-украиноведа О. Субтельного) [Subtelny,

1998]. Хорошо заметен и рубеж между историческим ядром Украины и землями, отвоеванными Российской империей у Османской империи и Крымского ханства и совместно освоенными переселенцами из украинских и русских земель на юге – бывший фронт – рубеж или, скорее, переходная зона между основной и колонизируемой территорией. В отличие от государственной границы, служащей объединению политической нации, обеспечению безопасности и отделению ее территории от «чужих» и обращенной «внутри» государства, фронт обращен «вовне».

Бывшие фронтиры, связанные с историей формирования и освоения государственной территории, представляют собой фантомные границы во многих странах.

Так, история США неразрывно связана с колонизацией Дикого Запада, Турции – пограничья с Ираком и Сирией, Китая – западных районов, населенных монголами, уйгурами и тибетцами, Бразилии – Амазонии, Польши – восточных земель, охватывавших большую часть современной Украины и Белоруссии, где польским магнатам и шляхте принадлежали обширные земли. Поляки составляли вплоть до Второй мировой войны большинство населения в таких крупных городах, как Львов, Станислав (Ивано-Франковск), Гродно и др. Из этих земель в рамках послевоенного «обмена населением» на территорию современной Польши были переселены около 1090 тыс. чел. (по другим подсчетам, 1526 тыс.), в том числе из Украины – 790 тыс., Белоруссии – 231 тыс. [Полян, 2013].

История восточных земель до сих пор вызывает в польском общественном мнении сильные чувства. Не случайно именно польские авторы опубликовали немало работ, в которых обосновываются отличительные черты фронтиров, называемых в польской литературе кресами (окрестностями), как важного элемента политической карты мира в прошлом [Koter, 2001; Sobczynski, 2008; Rykała, 2013]. Термин «кресы» был предложен еще в середине XIX в. крупным польским географом и поэтом Винцентом Полем, который понимал под этим понятием обширные, отдаленные, труднодоступные и политически нестабильные окраинные пространства с пестрой и сложной этнической и религиозной структурой населения. Фронтиры были присоединены к нему в результате освоения территории, завоеваний, заключения династических союзов и т. п. Освоение фронтиров, как правило, порождает множество романтических легенд и мифов, воспевающих пионерный и миссионерский менталитет поселенцев как носителей передовой культуры.

Фронтиры – динамичный феномен: их дальнейшая государственная принадлежность зависела от успехов освоения, в том числе строительства коммуникаций, экономической и культурной политики государства. Внешние рубежи фронтальных зон не были четко определены, отличались высокой проницаемостью и требовали особой заботы, которую в России взяло на себя особое социальное сосло-

вие – казаки. Польский географ Марек Котер выделил такие специфические черты кресов, как периферийное положение и слабую доступность, более суровый климат, низкую плотность и культурную разнородность населения, разреженность сети городов, отставание в экономическом развитии. Представители доминирующего этноса сосредоточены главным образом в городах – своего рода культурных эксклавах.

Обстановка на фронтире характеризовалась частыми беспорядками и вспышками насилия как между поселенцами и местными жителями, так и самими «коренными» группами, в том числе инспирированными соседними странами. Эти регионы обычно имели в государстве особый административный и правовой статусы [Koter, 2001]. Особенности бывших фронтиров наложили отпечаток и на сегодняшнюю политическую культуру их жителей. Поселенцы отличались сильной этнической идентичностью и независимостью, утрированным, радикальным «патриотизмом», чувством превосходства над «аборигенами» и культом силы, усугубляемым необходимостью бороться за контроль над кресами с соседними державами.

Можно выделить несколько подходов к изучению фантомных границ, обычно сочетающему количественный анализ и качественные методы. Первый, старейший подход – историко-морфологический, предполагающий исследование происхождения границы, изменений ее конфигурации и соотношения с другими границами, в том числе природными, этнокультурными и административными. Морфология фантомных границ – это материальное выражение соотношения экономической, политической и военной мощи соседних стран и их союзов.

Вторая группа подходов – функциональные и структуралистские. Одна из их задач – проследить изменение функций и режима границы, их укрепления и ослабления в разные исторические периоды (*re-bordering* и *de-bordering*). В структуралистской парадигме и в соответствии с теорией социально-территориальных «разломов» (*cleavages*) С. Роккана – Х. Китчелта – Д. Сейлера приграничные территории, лежащие за пределами фантомных границ, рассматриваются как элемент системы центр – периферия.

Третий подход – геополитический, нацеленный на изучение реального или возможного использования фантомных границ в целях расширения влияния одной из сторон или перекройки политической карты. Этот подход опирается на теории идентичности и национализма и направлен, в частности, на изучение особых пограничных идентичностей, а также теории государственного строительства. В их числе можно назвать, к примеру, теорию «национализации» Карла Дойча, объясняющую попытки государства интегрировать территорию теми или иными средствами. К этому же подходу следует отнести «классические» оценки значимости фантомных границ через изучение глубины различий в электоральном поведении, которые тоже можно рассматривать

в контексте политической интеграции (национализации) пространства.

В качестве особого четвертого подхода можно выделить конструктивистский, основанный на «постмодернистских» теориях конструирования пространства и методах, например, анализа политического дискурса, символического капитала (иконографии) и политики памяти.

Фантомные границы в России. Можно выделить два главных типа фантомных границ в России. *Первый* из них составляют рубежи территорий, присоединенных к бывшему Советскому Союзу (РСФСР) перед Великой Отечественной войной и по ее итогам и входивших ранее в состав других европейских стран: Калининградской области, западных районов Ленинградской и Мурманской областей, Печорского и Пыталовского районов Псковской области. Принадлежность в прошлом к иным историко-культурным и политическим регионам оказывает заметное влияние на социальные практики и идентичность их жителей, хотя в Калининградской области и на бывших финских территориях в первые послевоенные годы произошло полное замещение населения переселенцами из внутренних районов России и Белоруссии.

Повседневные интересы и практическая деятельность десятков тысяч людей и бизнеса, особенно малого, по обе стороны границы связана с трансграничным взаимодействием на местном уровне. В пограничье сформировались социальные общности, живущие «на две страны», чьи сезонные и недельные перемещения связаны с пересечением границы. В их числе – смешанные супружеские пары и их дети, предприниматели, осевшие в соседних странах российские специалисты. В Финляндии, согласно официальной статистике, постоянно проживает 29,6 тыс. российских граждан и еще столько же людей считают русский своим родным языком. Большинство из них живут либо в столице, либо в приграничных с Россией регионах. В норвежском Киркенесе, ближайшем городе к присоединенному к СССР/России Печенгскому району, около 10% жителей – русскоязычные. Члены таких «трансграничных» общностей – естественные инициаторы и активные участники совместных проектов. Значительное смягчение визового барьера создавало до политического кризиса 2014 г. реальные предпосылки формирования в пограничье между Россией и ЕС нескольких функциональных трансграничных районов, прежде всего между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши.

Однако приграничные взаимодействия со странами ЕС и Норвегией остаются чаще всего асимметричными. Модель взаимодействия регионов «бедный – богатый» в целом остается в силе. Показательно, что потоки российских граждан в их соседние регионы значительно выше, чем в противоположном направлении. Россияне, особенно жители присоединенных после войны территорий, направляются в Норвегию, Финляндию, Польшу и Эстонию преимущественно за покупками и развле-

чениями, хотя все более значимыми целями поездок становятся получение более дешевых, чем в России, и качественных услуг, в том числе медицинских, а целью въезда в Россию из этих стран – главным образом, покупка более дешевого бензина, табачных изделий, лекарств и некоторых других товаров. В Карелии на взаимодействиях с Финляндией заметно сказывается этнокультурный фактор.

Регулярные поездки в соседнюю страну оказывают значительное воздействие на российские приграничные территории и составляют в них важный фактор модернизации. Взаимодействие с европейскими партнерами способствует социальной мобильности. По стилю жизни приграничные территории, присоединенные к России после Великой Отечественной войны, значительно отличаются от глубинных даже при сходном уровне благосостояния. К примеру, многие жители Сортавалы регулярно ездят в соседний финский город Йоенсуу за покупками и услугами, для проведения досуга.

Приграничные взаимодействия облегчают процесс диффузии инноваций, перетока знаний и компетенций. Так, многолетнее сотрудничество с соседними территориями Финляндии обеспечило трансферт технологий и перенос производств на территорию Карелии в традиционных для партнеров отраслях – в частности, технологий лесовосстановления и деревообработки. В результате производительность труда в лесопромышленном комплексе выросла примерно вдвое. «Открытие» границы с Финляндией глубоко повлияло на территориальную структуру республики. Если раньше главная ее ось была направлена с юга на север, вдоль полимагистрали от Петербурга на Мурманск, то теперь, благодаря созданию семи пунктов упрощенного пропуска и трех международных автомобильных пунктов пропуска через границу, формируется и ось запад – восток. Ее развитие помогает смягчить упадок периферии, дает ряду малых городов шанс обрести «второе дыхание» [Толстогузов, 2012].

Второй тип фантомных границ в России образуют бывшие фронтиры, сыгравшие в истории страны большую роль. Они пролегли в XVI–XIX вв. вдоль укрепленных линий, строившихся, обновлявшихся, соединявшихся между собой, а чаще всего замещавшихся новыми все дальше от исторического ядра страны. Часть этих линий – сторожевых, оборонительных, береговых – возникла еще во времена Киевской Руси. Они служили основой системы охраны и обороны границ.

На юге европейской России укрепленные линии были рубежами между центральными районами и Диким полем, которое русские и украинские казаки, а затем другие переселенцы осваивали по мере продвижения к югу границы земель, безопасность которых могла быть обеспечена государством [Западные окраины, 2007]. За Белгородской чертой сформировался уникальный регион Слобожанщина со специфической русско-украинской идентичностью населения, разделенный сначала административными, а затем государственными границами России и Украины.

В период правления Екатерины II границы России сдвинулись на Северный Кавказ, где в течение многих лет возводились новые укрепленные линии – Азово-Моздокская, Кубанская, Терская, Кизлярская, Сунженская. Они были опорными пунктами переселения на новые плодородные земли русского и в целом славянского населения, численность которого росла быстрее строительства фортификаций. В результате появлялись цепочки поселений вблизи внешней стороны укрепленных линий.

Фортификационные сооружения маркировали также рубежи освоения территорий на востоке, в том числе бывшие укрепленные линии в современном пограничье с Казахстаном. Они сочетались с крепостной системой прикрытия границ. Города, возникшие в узлах Сибирской линии (Уральск, Оренбург, Омск, Петропавловск и др.), ныне разделенной границами России и Казахстана, были не только гарнизонными, но и торговыми центрами, в которых обменивались товарами русские и среднеазиатские купцы, предлагавшие продукцию кочевого скотоводства и оазисного земледелия. Со временем полоса «фронтирных» поселений также сдвинулась на юг. Населенные пункты по обе стороны административной границы были соединены железной дорогой. Ныне она не раз пересекает границу, что приводит к очевидным неудобствам (ходы Оренбург – Саратов через Уральск, Курган – Омск, Тюмень – Петропавловск).

Таким образом, многие укрепленные линии остаются важными элементами каркаса расселения и осями экономического развития и отчетливо видны в социально-экономическом и культурном пространстве. В условиях сокращения доли русского населения в республиках Северного Кавказа старые вновь обрели функцию своего рода фронта – «интерфейса» между русской и кавказскими культурами.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова А.Ю., Ступина О.Г.* Туристское регионоведение. Влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. М., 2013.
- Гринько И.А.* «Музейные границы» и формирование новых идентичностей // Самарский научный вестник. 2016. № 4(17). С. 149–152.
- Западные окраины Российской империи. Сост. М. Долбилов и А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Колосов В.А.* Исследования политических границ с начала XX века до наших дней // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 8–20.
- Колосов В.А., Тикунов В.С.* Политико-географическое картографирование и геоинформатика: достижения и новые задачи // Известия РАН. Сер. геогр. 2005. № 1. С. 17–23.
- Полян П.* «Обмен населением» Польши и СССР 1944–1946. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit06.php>. 4 апреля 2013 (Дата обращения: 10.03.2017).
- Пономарев С.* Картографическая агрессия Японии против России. Сахалинское информационно-аналитическое агентство (СИАА), 7 мая 2008 г. <http://siaa.ru/?pg=2&id=155934&type=127&page=26&hd=> (Дата обращения: 10.03.2017).
- Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис (Политические исследования). 2012. № 2(128). С. 31–46.
- Тархов С.А.* Трансформация транспортной системы // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2011. С. 107–129.
- Тархов С.А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск - М.: Универсум, 2005.
- Толстогузов О.В.* Регион в условиях глобализации: пространственный и институциональный аспекты // Тр. КНИЦ РАН. Сер. Регион: экономика и управление, 2012. № 6. С. 19–28.
- Ушакин С.Н.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты. Сб. статей. Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.

- Ширяев Е.Е.* Беларусь: Русь Белая, Русь Чёрная и Литва в картах. Минск: Навука и тэхніка, 1991.
- Balibar E.* Politics and the Other Scene. Paris: Verso, 2002.
- Bialasiewicz L.* Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe // *Social & Cultural Geography*. 2009. V. 10. № 3. P. 257–269.
- Billé F.* Territorial phantom pains (and other cartographic anxieties) // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2013. V. 31. № 1. P. 163–178.
- Border disputes. *A Global Encyclopedia* / Ed. E. Brunet-Jailly. Santa Barbara, CA: ABC-Clio, 2015.
- Dallen T.J.* Political Boundaries and Tourism: Borders as Tourist Attractions // *Tourism Management*. 1995. V. 16. № 7. P. 525–532.
- Foucher M.* Fronts et frontières. Paris: Fayard, 1991.
- Foucher M.* La bataille des cartes. Analyse critique des visions du monde. Paris: François Bourin Éditeur, 2011.
- Grandits H., von Hirschhausen B., Kraft C., Müller D., Serrier T.* Phantomgrenzen im östlichen Europa. Einewissen schaftliche Positionierung. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2015.
- Gorzalak G.* Normalizing Polish-German Relations: Cross-Border Cooperation in Regional Development / Ed. J.W. Scott. EU Enlargement, Region Building and Shifting Borders of Inclusion and Exclusion, Aldershot: Ashgate, 2006. P. 195–206.
- Hartshorn R.* Geographic and political boundaries in Upper Silesia // *Annals of the Association of American Geographers*. 1933. V. 23. № 4. P. 195–228.
- Hartshorn R.* Suggestions on the terminology of political boundaries, titles and abstracts of papers // *Annals of the Association of American Geographers*. 1936. V. 26. № 1. P. 38–39.
- Hesli V., Reisinger W., Miller A.* Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine // *Electoral Studies*. 1998. V. 17. № 2. P. 235–256.
- Jańczak J.* Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics // *Erdkunde*. 2015. V. 69. № 2. P. 125–137.
- Newman D.* Contemporary Research Agendas in Border Studies: An Overview / Ed. D. Wastl-Water. Ashgate Research Companion to Border Studies. Oxford: Ashgate Publishers, 2011. P. 33–47.
- Kolosov V., Scott J.W.* Karelia: A Finnish–Russian Borderland on the Edge of Neighbourhood // *The EU-Russia Borderland. New Contexts for Regional Cooperation* / Ed. by H. Eskelinen, I. Liikanen, J.W. Scott. London and New York: Routledge, 2012. P. 194–221.
- Koter M.* «Kresy» as a Specific Type of Borderland – It's Origin and Characteristics // *Geographica Slovenica*. 2001. V. 34. № 1. P. 131–148.
- Kubicek P.* Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour // *Europe-Asia Studies*, 2000. V. 52. № 2. P. 273–294.
- Von Löwis S.* Ambivalente Identifikation sräume in der Westukraine: das Phantom der alten Grenzen am Zbruč // *Europa Regional*. 2015. № 3–4. S. 148–162.
- O'Dowd L., Wilson T.* Frontiers of sovereignty in the new Europe / Ed. N. Alkan. Borders of Europe. Universität Bonn: Bonn, 2002. P. 7–30.
- O'Loughlin J.* The regional factor in contemporary Ukrainian politics: scale, place, space, or bogus effect? // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2001. V. 42. № 1. P. 1–33.
- Opiola W.* About the role of the state border in the theory of border-land // *Open Europe: Cultural dialogue across borders*. V. 2: Historical Collective Memory within Borderlands. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014. P. 27–35.
- Rykaia A.* Ethno-religious heritage of former eastern territories of the Polish-Lithuanian Commonwealth in contemporary Poland // *European Spatial Research and Policy*. 2013. V. 20. № 1. P. 49–70.
- Sobczynski M.* Polskie doswiadczenia w zakresie badania granic reliktowych i krajobrazu pogranicza. Czasoprzestrzecz w naukach geograficznych. Wybrane problem geografii historycznej. 2008. <http://hdl.handle.net/11089/3899> (Дата обращения: 10.03.2017).
- Subtelny O.* Ukraine: A History. University of Toronto Press: Toronto, 1988.
- Zarycki T.* The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations // *Erdkunde*. 2015. V. 69. № 2. P. 107–124.

Поступила в редакцию 18.04.2017
Принята к публикации 04.05.2017

V.A. Kolosov¹

PHANTOM BORDERS AS A PHENOMENON IN POLITICAL GEOGRAPHY

The need to investigate historical («phantom») state borders is stated and the main directions and theoretical approaches of such studies are discussed. Phantom borders have lost the most important functions as dividing lines between the states but remain important political, economic and cultural barriers considerably influencing both contemporary activities and the territorial identity. Social perception of a territory is frequently beyond its legitimate borders embracing the regions lost as a result of wars and/or fragmentation of territorial identities. The outlines of a state territory are the country's brand and the element of identity, and almost any change of its borders is painfully perceived by the population. Phantom borders play a significant role in the symbolic landscape and can be used to mobilize public opinion. One can distinguish four approaches to their study: morphological, functional-structural, geopolitical and post-modern (constructivist) ones. The «classical» cases of phantom borders in Poland and Ukraine are briefly described: they remain visible in the cultural landscape. In Russia, there are two main types of such borders: the lines separating the territories incorporated to the Soviet Union as a result of the World War II and former frontiers in the south and the east which form a specific type of phantom borders, as in many countries of Europe, America and Asia.

Key words: phantom borders, frontier, territorial identity, impact on territorial structures, Russia.

Acknowledgments. The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project № 14-18-03621 «Russian Borders: Challenges of Neighborhood»).

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Deputy Director; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Head of the Department of Geography of World Economy, Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: kolosov@igras.ru

REFERENCES

- Alexandrova A.Yu., Stupina O.G.* Turistskoe regionovedenie. Vliyaniye regionalnoy integratsii na mirovoy turistskiy rynek [Tourism Regional Studies. The impact of regional integration on the world tourist market]. M.: Knorus, 2013 (in Russian).
- Balibar E.* Politics and the Other Scene. Paris: Verso, 2002.
- Bialasiewicz L.* Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe // *Social & Cultural Geography*. 2009. V. 10. № 3. P. 257–269.
- Billé F.* Territorial phantom pains (and other cartographic anxieties) // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2013. V. 31. № 1. P. 163–178.
- Border disputes. A Global Encyclopedia / Ed. E. Brunet-Jailly. Santa Barbara, CA: ABC-Clio, 2015.
- Dallen T.J.* Political Boundaries and Tourism: Borders as Tourist Attractions // *Tourism Management*. 1995. V. 16. № 7. P. 525–532.
- Foucher M.* Fronts et frontieres. Paris: Fayard, 1991.
- Foucher M.* La bataille des cartes. Analyse critique des visions du monde. Paris: François Bourin Éditeur, 2011.
- Goźdzal G.* Normalizing Polish-German Relations: Cross-Border Cooperation in Regional Development / J.W. Scott, Ed. EU Enlargement, Region Building and Shifting Borders of Inclusion and Exclusion, Aldershot: Ashgate, 2006. P. 195–206.
- Grandits H., von Hirschhausen B., Kraft C., Müller D., Serrier T.* Phantomgrenzen im östlichen Europa. Einwissenschaftliche Positionierung. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2015.
- Grin'ko I.A.* «Muzejnye granicy» i formirovaniye novykh identichnostei [«Museum borders» and the formation of new identities] // *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 2016. № 4(17). P. 149–152 (in Russian).
- Hartshorn R.* Geographic and political boundaries in Upper Silesia // *Annals of the Association of American Geographers*. 1933. V. 23. № 4. P. 195–228.
- Hartshorn R.* Suggestions on the terminology of political boundaries, titles and abstracts of papers // *Annals of the Association of American Geographers*, 1936. Vol. 26, № 1. P. 38–39.
- Hesli V., Reisinger W., Miller A.* Political Party Development in Divided Societies: The Case of Ukraine // *Electoral Studies*, 1998. Vol. 17, N 2. P. 235–256.
- Jańczak J.* Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics // *Erdkunde*. 2015. V. 69. № 2. P. 125–137.
- Kolosov V., Scott J.W.* Karelia: A Finnish–Russian Borderland on the Edge of Neighbourhood / The EU–Russia Borderland. New Contexts for Regional Cooperation / Ed. by H. Eskelinen, I. Liikanen and J.W. Scott. London and New York: Routledge, 2012. P. 194–221.
- Kolosov V.A.* Issledovaniya politicheskikh granits s nachala XX veka do nashikh dnei [Political borders' studies since the early 20th century till nowadays] // *Izvestia RAN, ser. geogr.*, 2008. № 5. P. 8–20 (in Russian).
- Kolosov V.A., Tikunov V.S.* Politiko-geograficheskoe kartografirovaniye i geoinformatika: dostizheniya i novye zadachi [Political-geographical mapping and geoinformatics: achievements and new tasks] // *Izvestia RAN, ser. geogr.*, 2005. № 1. P. 17–23 (in Russian).
- Koter M.* «Kresy» as a Specific Type of Borderland – It's Origin and Characteristics // *Geographica Slovenica*, 2001. Vol. 34, N 1. P. 131–148.
- Kubicek P.* Regional Polarisation in Ukraine: Public Opinion, Voting and Legislative Behaviour // *Europe-Asia Studies*, 2000. V. 52. № 2. P. 273–294.
- Newman D.* Contemporary Research Agendas in Border Studies: An Overview / Ed. D. Wastl-Water. Ashgate Research Companion to Border Studies. Oxford: Ashgate Publishers, 2011. P. 33–47.
- O'Dowd L., Wilson T.* Frontiers of sovereignty in the new Europe / Ed. N. Alkan. Borders of Europe. Universitat Bonn: Bonn, 2002. P. 7–30.
- O'Loughlin J.* The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus effect? // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2001. V. 42. № 1. P. 1–33.
- Opiola W.* About the Role of the State Border in the Theory of Borderland. Open Europe: Cultural Dialogue Across Borders. V. 2: Historical Collective Memory within Borderlands. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014. P. 27–35.
- Poluan P.* «Obmen naseleniem» Polshi i SSSR, 1944–1946 [The exchange of population between Poland and the USSR, 1944–1946]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit06.php>. 4 April 2013 [Accessed on 10 March 2017] (in Russian).
- Ponomarev S.* Kartograficheskaya agressiya Yaponii protiv Rossii [Cartographical aggression of Japan against Russia]. Sakhalinskoe informatsionno-analiticheskoe agentstvo (SIAA), 7 May 2008. <http://siaa.ru/?pg=2&id=155934&type=127&page=26&hd=> [Accessed on 10 March 2017] (in Russian).
- Popov F.A.* Geografia setsessionizma v sovremennom mire [Geography of secessionism in the contemporary world]. M.: Novyi Khronograf, 2012 (in Russian).
- Rykaia A.* Ethno-religious heritage of former eastern territories of the Polish-Lithuanian Commonwealth in contemporary Poland // *European Spatial Research and Policy*. 2013. V. 20. № 1. P. 49–70.
- Sebentsov A.B., Kolosov V.A.* Fenomen nekontroliruemyykh territoriy v sovremennom mire [The phenomenon of non-controlled territories in the contemporary world] // *Polis (Politicheskie issledovaniya)*, 2012. № 2(128). P. 31–46 (in Russian).
- Shiriaev E.E.* Belarus: Rus' Belaya, Rus' Chernaya i Litva v kartakh [Belarus: White Rus', Black Rus' and Lithuania in Maps]. Minsk: Navuka i tekhnika, 1991 (in Russian).
- Sobczynski M.* Polskie doswiadczenia w zakresie badania granic reliktowych i krajobrazu pogranicza. Czas i przestrzec w naukach geograficznych. Wybrane problemy geografii historycznej. 2008. <http://hdl.handle.net/11089/3899> (Дата обращения: 10.03.2017).
- Subtelny O.* Ukraine: A History. University of Toronto Press: Toronto, 1988.
- Tarkhov S.A.* Transformatsiya transportnoy sistemy [Transformation of transport network] // *Regionalnoe razvitiye i regionalnaya politika Rossii v perekhodnyy period*. M.: Moscow Bauman State Technical University Press, 2011. P. 107–129 (in Russian).
- Tarkov S.A.* Evolutsionnaya morfologiya transportnykh setej [Evolutionary morphology of transport networks]. Smolensk–Moscow: Universum, 2005 (in Russian).
- Tolstoguzov O.V.* Region v usloviyakh globalizatsii: prostranstvennyy i institutsionalnyy aspekty [Region in the conditions of globalization: the spatial and the institutional aspects] // *Trudy KNTs RAN. Seriya: Region, ekonomika, upravlenie*, 2012. № 6. P. 19–28 (in Russian).
- Ushakin S.N.* «Nam etoi bol'u dyshat'»? O travme, pamiati i soobshhestvakh [We have to breathe this pain? About trauma, memory and communities]. Travma: punkty. Collection of papers. Ushakin S. and Trubina E. (eds.) M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. P. 5–41 (in Russian).
- Von Löwis S.* Ambivalente Identifikationsräume in der Westukraine: das Phantom der alten Grenzen am Zbruč // *Europa Regional*. 2015. № 3–4. S. 148–162.
- Zapadnye okrainy Rossiiskoj imperii [Western edges of the Russian Empire]. Eds: M. Dolbilov and A. Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2007 (in Russian).
- Zarycki T.* The electoral geography of Poland: between stable spatial structures and their changing interpretations // *Erdkunde*. 2015. V. 69. № 2. P. 107–124.

Received 18.04.2017

Accepted 04.05.2017